

1

АМЁБЫ В ВОЗДУХЕ

Мы провели майские праздники в Ольгино. С утра до вечера на участке было солнечно, как будто теней и вовсе не существует в мире. Сразу за участком, за баней, видна огромная, раскрашенная в цвета российского флага труба ТЭЦ. Садоводство в черте города. Травка, беседка, качель под соснами, распутившиеся трубчатые нарциссы, маленькая кочка с фиолетовыми цветами, на которую всё время писал Егор, только научившийся писать стоя. Туя у бани. Кустики облепихи, слива. Всё только пробуждается, набухают почки, листьев ещё нет. По утрам слегка пахнет навозом с каких-то окрестных полей. Солнце тоже пахнет — сухой травой, испарением влаги, пыльным песком,

в котором копается Егор. Всюду на дорогах песчаные кучи. Единственный водоём — маленький пожарный прудик, дети в нём всё время понарошку ловили рыбу на длинные палки, найденные в кучах бурелома на его заросшем берегу. Ощущение обжитого, обитаемого пространства: шезлонг на участке, мяч на траве, кострище и мангал на полянке, машина Гошиной мамы рядом с воротами, посуда и все принадлежности на кухне — там, где надо, рассортированы по полочкам, у всего своё место.

В первый же день в Ольгино я села на качель и принялась созерцать воздух. Созерцание воздуха обыкновенно сочетается с созерцанием деструкции стекловидного тела — маленьких движущихся кружочков, похожих на амёб. Когда смотришь на воздух — видны переливы, потоки, непонятное переливчатое движение, складывающееся в узоры, фигуры, воронки. Можно часами смотреть на это движение, на фоне которого проплывают скопления кружочков-микробов деструкции стекловидного тела. Я вообще очень люблю разного рода дефекты восприятия, они — мировые щели, в которые можно подглядывать.

В Ольгино вокруг были сплошные дети: мой сын Егор (три года), Агата (тётка Егора, ей будет де-

сять), соседский мальчик Ярик, его младшая сестра Кристина и соседская девочка Лиза. Лиза влюбилась в Егора, хотя ей пять, а ему три, и рассказала Агате, а Агата — всем нам. Потом Лиза упала с велосипеда и сильно поранилась, её возили в травму. В руках у неё всегда плюшевый котёнок, сама она говорит тихо и как будто всё время жалобно мяукает. Когда я спрашиваю Егора, кто ему нравится, он шёпотом говорит: «Агата». Ярик обычно сидит на заборе, он умеет делать крутые трюки в скейт-парке, он уже считает себя подростком и научил Егора кричать: «Танцуй курица-ананас!» Ярик дружит с Агатой, но не разрешает ей приходить к нему, когда приходит его друг и они вместе сидят на заборе, — у них мужская компания. По вечерам, когда наступает время ужина, Ярик приходит к нам, чтобы поесть, и, наевшись до отвала, говорит: «Всё, больше не могу, я же перед вами ещё дома поужинал». Только и слышны со всех сторон детские голоса, и среди них главный голос — моего сына. Голоса радости, писк, визг, хохот, беготня, игры. Кошмары затихают, заползают в углы комнаты, прячутся в углах, пока дети играют.

Неподалёку в лесу Петровский пруд, возникший на том месте, где когда-то из земли извлекли Гром-камень для пьедестала Медного всадника,

но туда мы не решились идти с Егором: тропы в лесу совсем разбитые, коляска не пройдёт, а без коляски всё-таки Егору было бы сложно пройти такое расстояние. На залив тоже не поехали, потому что там могут быть патрули — отлавливать нарушающих коронавирусную самоизоляцию. Зато дважды ездили на машине гулять в старую часть Ольгино — смотреть на дореволюционные дачи. Первый раз, когда мы вышли из машины, Егор нашёл яму, залез в неё и не хотел выходить, а когда его силой вытащили, залез в другую яму, и на этом прогулка и кончилась. А во второй раз, когда мы вышли из машины, Егор стремительно побежал по проезжей части, громко распевая песню Мамонова: «За мной, постовой, ежедневный герой... оторви кокарду, сломай жезл!» Я за ним, Гоша за нами, Гошина мама за ним, и так мы бегали по проспекту трусцой вначале в одну сторону, потом в другую. В предпоследний день праздников мы поехали на другую, строящуюся дачу в коттеджном посёлке в 12 км от города по Мурманскому шоссе. Там было ещё больше солнца, оно прямо пекло, и мы пошли в лес, в сторону Коркинского озера, где когда-то была наша с Гошей свадьба. Хотя и близко от города, но лес удивительно хороший и чистый. Тропу от коттеджного посёлка по лесу к озеру проложили недавно, и чувствовалось, что свеженасыпанная земля

проминается под ногами, а корни берёз у дорожки были заботливо покрыты брезентом. До озера мы не дошли, потому что Егор был без коляски, свернули с середины пути, обратно Егор еле шёл, и Гоша периодически нёс его на плечах. Лес был зелёный и прозрачный одновременно. Заливаясь до хрипоты, пели птицы.

Многие поэты говорили или писали, что после смерти хотели бы стать частью языка, превратиться в речь. Я бы точно не хотела. Я знаю, частью чего я хотела бы стать. Только вот это всё — частью чего я хотела бы стать — очень трудно описать одним словом. Представьте себе весну, первые ростки, просыпающийся лес, влажность, сырость, траву, все эти запахи, болотце, мшистые камни, мокрую почву и на ней мокрую зелень, дерево, камень, смолу, тающий лёд, фактуру земли, дерева, камня, льда, смесь льда, смолы, пахучей жижи. Уровень леса, который близок к земле и воде. Стало быть, я хотела бы стать частью Весны. Частью сырого запаха природы. Частью фактуры того, что в просыпающемся лесу находится почти у самой почвы и чуть выше. Это то, что является для меня самым реальным на свете. Что-то живое, умирающее и воскресающее, вечно возвращающееся и неповторимое. Я хотела бы стать частью безусловно, абсолютно Реального.

2

ДРУГОЕ «БЫТЬ»

Пока мы были в Ольгино, на моей любимой даче на 67 км Приозерского направления мой дядя Алексей вырубил мою любимую яблоню и сирень, чтобы сделать площадку для строительного мусора, который ему отдал сосед. Мусор остался от сноса соседской половины дома, и Алексей уговорил соседа, чтобы тот отдал этот мусор ему. Алексей сказал маме, что этот мусор у нас на участке навсегда, на годы, и что нам это нужно, что мы не сможем жить без этого мусора. Он вырубил яблоню «белый налив», вырубил сирень, которую так любил дедушка, только чтобы у него был этот мусор. Мы могли бы нанять машину и вывезти мусор, мы могли бы купить для него машину хороших дров, но увы...

Дачный дом как будто превратился в объект сна. Жизнь как во сне — в наполовину снесённом доме. Половину дома снесли и превратили в кучу мусора: битых кирпичей, досок с ржавыми гвоздями. Раньше дом стоял целый, а теперь его половина в виде кучи мусора лежит рядом с оставшейся половиной. Полу-дом, полу — куча мусора. И это мой дом детства, центр моей психической карты.

Дом, где в окна светит солнце, а под окнами — цветы, шмели, радость. И рядом бабушка с дедушкой. Наше *всегда*. Моему дяде Алексею нужны остатки снесённой части дома, россыпь обломков, битый кирпич, отсыревшие доски. Он говорит, без этого мы не сможем жить. Он ходит на помойку и приносит новый мусор, кидает в эту кучу. В этой куче происходит что-то странное, метафизическое. Она что-то порождает. Из неё что-то можно построить. Какой-то хаотичный странный объект. Дядя не говорит, что он будет с ней делать, что он будет из неё строить, просто говорит, что это нужно. Эта куча — таинственный разбросанный конструктор. Дядя что-то построит, может быть что-то страшное, но не говорит, что именно. Может, он будет использовать остатки вечного дома моего детства для каких-то других объектов. Это будет превращать эти объекты во что-то другое, будет придавать им качества той стороны. Разрушенная половина дома детства — это клипа, мёртвая оболочка, шелуха от дома детства, его обратное отражение, перевёртыш, мёртвая память. Её надо сохранять рядом с оставшейся половиной. Это имеет ритуальный смысл. Она открывает врата в анти-мир, углубляется в него. Когда живая и мёртвая половины находятся рядом — образуется такое особое место. Врата. Портал. Прорыв туда. Или оттуда. Путь одновременно в вечность и анти-вечность.

Путь на тёмную дачу. Эти доски и битые кирпичи — это воронка, дыра. Из них можно построить тёмного двойника дачи, тёмное отражение. Оттуда, из этой дыры, будет проникать какое-то жутковатое запредельное. Дядя это чувствует, ходит на помойку с тележкой, добавляет детали чужих разрушенных миров, чужой памяти, совершенствует свой замысел.

Это не просто участок. Это Эдем. Эдем смертен. В нём осыпаются листья, вянут цветы, умирают звери и люди. На даче поэзия лежит вокруг — её нужно только подбирать. Валяется себе — в диком виде и отборная. Рядом с ржавыми гвоздями и битыми кирпичами теперь её место.

Перед самым сном, когда я лежала в десяти одеялах и вдыхала запах сельского дома, старых отсыревших матрасов, подушек и топящейся печи, я захотела иного бытия, иного присутствия. Иногда я уже думала об этом: каково это — другое «быть», когда само «быть» будет значить другое? Я знаю какую-то пульсирующую точку «быть», которая кажется неизменной. Как именно и кем именно быть — может изменяться, но эта пульсирующая точка «быть», если и она может меняться? Если «быть» — это однажды будет по-другому? В самом своём существе — «быть» по-другому? Навер-

ное, это значит уже не быть человеком. Для этого нужны новое небо и новая земля. Может быть, это «быть» Абсолюта или душ умерших, живущих в слиянии с Абсолютом. Мы можем себе представить разные способы бытия, очень друг на друга непохожие, но это не способ бытия, это само бытие, и оно другое. Его не представить. Для него нужно другое тело и другая психика. Я тку себе это тело из тонкой материи, тку себе душу, как нательную рубаху, — ту душу, которая сможет быть по-другому, в ином присутствии.

Как однажды мы узнали, что дважды два четыре — это только частный случай, или что физика Ньютона — только частный случай, так же и наше «быть» может оказаться частным случаем, а есть другое, расширенное «быть». Мы не можем себе это представить. Это тупик для мышления, удар палкой по голове. Мы и наше «быть» так до сих пор и не смогли толком понять. Лучше всех удалось Хайдеггеру, он описывал наше «быть» со всеми этими структурами Dasein, экстазисами времени, заботой, ужасом и всем таким. Он успел описать темпоральность Dasein, но это для него был подготовительный этап, чтобы перейти к собственному времени бытия. Вот этого он не смог сделать. А я тут с каким-то другим «быть», к которому и подойти пока нет никакой возможности. Другое «быть» — это из

тех идей, которые приходят в голову, когда лежишь на поле и смотришь на звёзды. Вначале ты думаешь, есть ли инопланетяне, негуманоидные формы жизни, населён ли космос, а от этого недалеко уже и до вопроса: а есть ли другое «быть», в принципе не такое, как у нас? Вдруг наше «быть» — это только частный случай? Вдруг «быть» — это может быть по-другому на ядерном уровне?

Я всегда обращаюсь со всем, что для меня важно, на ядерном уровне. У вещей есть ядра, мантия, кора — вещи повторяют строение Земли. В поэзии тоже есть ядра, мантия, кора. Есть «ядерные» поэтические переживания, своего рода поэтические ядра, которые можно выявить у разных поэтов. Как то, например, переживание прихода осени или переживание неостановимого хода времени. Поэтические ядра объединяют (и разъединяют) поэтов гораздо больше, чем приёмы. Их совпадение-несовпадение также определяет отношение читателя к поэзии («я понимаю, зачем это» / «я не понимаю, зачем это»). Распределение ядер похоже на карту звёздного неба. Бывают поэты, у которых множество мелких ядер, и те, у кого несколько довлеющих. Вероятно, есть мооядерные поэты, как и стихи, целиком основанные на приёмах и лишённые поэтических ядер вовсе.

Кстати, если «быть» будет по-другому, «иметь смысл» тоже будет по-другому. Вещи не просто изменяют свой смысл, а сам смысл как возможность радикально изменится. Есть два полюса времени для начала речи: время, когда ещё ничего не сказано, и время, когда уже всё сказано. Первое из этих времён люди любят, а по поводу второго сокрушаются. Наше время в глазах многих — это именно то время, когда уже всё сказано. Но какая, в сущности, прекрасная эпоха, когда уже всё сказано! Тут-то наконец и можно перейти к главному — необходимости искать новые основания для того, чтобы говорить. Теперь «иметь смысл» должно значить уже нечто другое, чем прежде. Больше нет задачи «сказать всё» или найти ещё что-то до сих пор не сказанное и сказать его. Задача — найти новые основания для смысла, а не добавить ещё один новый смысл.

Я — случайная ошибка. Меня могло бы не быть. То, что я люблю, состоит из какой-то антиматерии, небытия. Из другой материи. И даже встречи материи мира с этой антиматерией почти не происходит, они плохо видят друг друга. Происходит нечто, абсолютно меня переворачивающее, а мир остаётся прежним — не меняется расклад общественных амбиций, репутаций, символических и прочих капиталов, господствующих дискурсив-